ГОДЪ КІЕВСКІЯ XLI.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ

1902 года. № 22. 15 Ноября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Слово

О внутреннемъ достоинствѣ и внутренней красотѣ женщины-христіанки (къ 21 ноября 1902 года).

„Вся слава дщере Царевы внутрь“. (Псал. 44, 14).

Эти слова Псалмопѣвца полнѣйшимъ образомъ относятся къ предъизбранной Дщери Царя Небеснаго, Пресвятой Дѣвѣ Маріи, какъ совершеннѣйшей изъ всѣхъ дщерей человѣческихъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, ради коихъ Она Сама содѣлалась Царицей Небесной, Честнѣйшею Херувимъ и Славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ.

Но и всѣ христіанскія женщины въ нѣкоторомъ родѣ дщери Царевы, какъ созданія Царя Небеснаго, а вмѣстѣ и невѣсты Христовы, сочетавшіяся съ Нимъ связію посредствомъ вѣры въ Него, какъ Царя и Бога, которая (связь) должна быть неразрывна до гроба и за гробомъ. А если вы, возлюбленныя сестры, дщери Царя Небеснаго, то и должны воспитать въ себѣ силою свободной дѣятельности соотвѣтствующія достоинства, для соб-

ственнаго счастія и для блага и утѣшенія того общества, къ которому принадлежите. Какія же это достоинства?

Истинныя достоинства христіанки—женщины указываетъ св. ап. Петръ, когда обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: *„да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“* (1 Петр. 3, 3. 4). Изъ этихъ словъ Апостола ясно видно, что истинная, „нетлѣнная“ „красота“, или достоинство женщины заключается не во внѣшнемъ убранствѣ, которое не составляетъ собственно человѣка, а въ ея „духѣ“, т. е. въ тѣхъ добродѣтеляхъ или совершенствахъ, которыя пріобрѣтаются ею подъ руководствомъ заповѣдей Божіихъ. Только это достоинство ея и „многоцѣнно“ предъ Богомъ.

Въ особенности Апостолъ желаетъ видѣть въ женщинѣ „человѣка сердца“: „да будетъ, говоритъ онъ женщинамъ, украшеніемъ вашимъ въ нетлѣнной красотѣ духа сокровенный сердца человѣкъ“. И дѣйствительно, женщина, по свойству своей природы, есть по преимуществу человѣкъ сердца. Сердцемъ вѣрующимъ, покорнымъ, смиреннымъ, преданнымъ, долготерпѣливымъ, относится она къ Богу; тѣмъ же сердцемъ довѣрчивымъ, сострадательнымъ, выносливымъ, всепрощающимъ—относится она и къ людямъ.

Кромѣ того, Апостолъ требуетъ, чтобы этотъ „человѣкъ сердца“ въ женщинѣ былъ непремѣнно „сокровенный“. Что̀ это за особенность? Это не насильственное отчужденіе женщины отъ общества, отзывающееся свойственною варварскимъ временамъ замкнутостію ея, а сохраненіе въ сокровенности ея внутренней жизни среди самого общества. Преимущество женщины, какъ извѣстно, есть обиліе любви, дарованное ея сердцу по особенному ея назначенію; но тайна, или сокровенность есть существенная принадлежность любви. Кто под-

слушалъ, напр., задушевную бесѣду друзей, или супруговъ, тотъ у всѣхъ народовъ почитается похитителемъ чужой тайны. Если же тайны требуетъ самая природа любви, то какъ же не желать, чтобы человѣкъ сердца, или любви въ духѣ женщины, этотъ нѣжный, робкій, стыдливый человѣкъ, возрасталъ и развивался на свободѣ отъ непрошенныхъ свидѣтелей, т. е. въ сокровенности. При этомъ нечего опасаться, что, вслѣдствіе этой сокровенности воспитанія, женщина останется незамѣченною и потому безполезною для общества; ибо, гдѣ крѣпко стерегутъ, тамъ есть сокровища, а гдѣ двери открыты настежъ,—тамъ пусто.

Отсюда уже понятно, почему, далѣе, Апостолъ необходимыми свойствами истинно достойной женщины признаетъ „кротость“ и „молчаливость“. Любовь не уживается съ надмѣнностію и раздражительностію. Сама кротость есть существенная принадлежность любви, такъ какъ любовь не взыскательна и не требовательна, но всегда склонна къ уступкамъ. Кротость, какъ выраженіе любящей души, обыкновенно отпечатлѣвается и на лицѣ женщины и служитъ наилучшимъ ея украшеніемъ.

Наконецъ, при кротости, для истиннаго достоинства женщины, требуется и „молчаливость“. Это есть особенная осторожность женщины въ словѣ, а не противное духу нашего времени обреченіе ея на постоянное молчаніе. Это свойство дѣлаетъ женщину сосредоточенною, ко всему внимательною, способною понимать людей и вѣрно опредѣлять свое положеніе между ними. Къ такой женщинѣ лучшіе люди всегда отнесутся съ довѣріемъ; ей охотно откроютъ свою тайну, сообщатъ свою радость, предъ нею съ отрадой выплачутъ свое горе. Напротивъ того, излишняя говорливость, или развязность женщины, обнаруживая тайны ея сердца, дѣлаетъ её только предметомъ празднаго любопытства, а нерѣдко и жертвою человѣческаго лукавства. Еще древніе говорили, что до-

рогіе и нѣжные плоды на деревьяхъ отъ птицъ закрываютъ сѣтью. Нынѣ мы и видимъ, какъ жадными птицами расхищаются лучшіе плоды незащищаемаго молчаливостію женскаго сердца.

Итакъ, человѣкъ сердца,—сокровенный, кроткій и молчаливый,—вотъ что̀ истинно драгоцѣнно для всѣхъ въ женщинѣ—христіанкѣ. Носите же, возлюбленныя наши сестры, этотъ свѣтлый идеалъ истинной женщины въ своемъ воображеніи и старайтесь сообразовать съ нимъ свои мысли, чувства, желанія и поступки. Постепенно воплощая его въ себѣ, сумѣете вы найти въ немъ и среди трудовъ, и среди лишеній истинныя утѣшенія и истинныхъ друзей. Аминь.

Свящ. *Н. Стеллецкій.*

Нѣсколько словъ о церковно-богослужебномъ чтеніи и пѣніи. [1]

Что касается церковнаго пѣнія, то нахожу нужнымъ сказать вамъ слѣдующее. Церковное пѣніе есть искусство въ точномъ смыслѣ слова и, какъ такое, имѣетъ свою исторію. Наше современное церковное пѣніе не во всѣхъ своихъ частяхъ есть пѣніе древнѣйшее: только восьмигласіе наше сохранилось отъ древности, всѣ же остальные наши церковные мотивы суть происхожденія позднѣйшаго, суть плодъ постепенной разработки и усовершенствованія искусства церковнаго пѣнія.

Въ настоящее время повсюду распространено такъ называемое партесное пѣніе, и, къ сожалѣнію, должно сказать, что этимъ пѣніемъ часто злоупотребляютъ; именно, часто поютъ произведенія такихъ доморощенныхъ композиторовъ, которые не умѣютъ въ своей церковной музыкѣ воплотить

[1]) Окончаніе. См. Кіевск. Епарх. Вѣд. № 21.

духа истинной церковности, религіозности и даже просто благоговѣнія; часто можно слышать въ храмахъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ пѣніе, носящее явно свѣтскій, театральный характеръ. Такой, несоотвѣтствующій духу церковности, характеръ храмового пѣнія зависитъ, впрочемъ, не только отъ музыкальнаго содержанія, но и отъ исполненія. Пѣніе можно назвать, пожалуй, субъективнѣйшимъ изъ всѣхъ искусствъ, и нѣкоторые регенты, дѣйствительно, стараются придать своему исполненію церковныхъ пѣснопѣній возможно больше субъективности.

Желая придать оригинальный характеръ своему хору, они передѣлываютъ на свой ладъ любое церковное пѣснопѣніе: то необыкновенно долго оставляютъ безъ движенія свою дирижерскую палочку при фермато, также долго останавливаютъ слухъ молящихся на какомъ нибудь диссонирующемъ и нравящемся самому регенту аккордѣ и т. п. Нѣкоторые ухитряются даже произвольно измѣнять гармонизацію самого автора-композитора и вносить свои собственные аккордовыя сочетанія [1]). Само собою понятно, что такое пѣніе не можетъ вызывать молитвеннаго настроенія въ человѣкѣ, оно не умиляетъ сердца, въ чемъ заключается цѣль богослужебнаго пѣнія, а доставляетъ эстетическое наслажденіе. Скажемъ даже болѣе: при такомъ пѣніи, молящійся долженъ, въ силу чисто психологическихъ законовъ, отвлекаться отъ молитвы, отъ содержанія исполняемаго пѣснопѣнія и весь обратиться въ слухъ, чтобы уловить тѣ пріятные аккорды, мелодіи, модуляціи и т. п., которые вибрируютъ въ воздухѣ. Такое церковное пѣніе дѣйствуетъ какъ бы въ угоду тѣмъ людямъ, которые смотрятъ на храмъ, какъ на музей изящныхъ искусствъ, а на церков-

[1]) Намъ приходилось слышать въ Кіевѣ пѣніе Ѳеофановскаго „Слава въ вышнихъ Богу“ въ шести редакціяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ, конечно, регентамъ хоровъ. Главными мѣстами для такихъ измѣненій служили слова: „азъ рѣхъ, Господи, помилуй мя, исцѣли душу мою“ и „узримъ свѣтъ“.

ное пѣніе, какъ на пѣніе оперное. Что думать о такихъ людяхъ, которые ведутъ слѣдующій разговоръ: „Куда такъ торопишься?“— „Въ N-скую церковь, тамъ сегодня поетъ хоръ Н“.— „Я тоже туда, но незачѣмъ спѣшить, погуляемъ; на херувимскую опоздали, а на „концертъ“ идти еще рано“. Такъ и хочется сказать имъ: „оглашенніи, изыдите въ концертный залъ!“ Если же вмѣсто концертнаго зала они попадутъ въ деревенскую церковь, то безъ оглядки оттуда выбѣгутъ. Есть тутъ надъ чѣмъ серьезно призадуматься.. Вотъ почему, для огражденія церковнаго пѣнія отъ такого недостойнаго характера, настоятели церквей, въ силу высшаго распоряженія, должны слѣдить за тѣмъ, чтобы пѣніе въ церквахъ было правильно не только по духу, но и по исполненію.

Рядомъ съ такимъ партеснымъ пѣніемъ, гдѣ композиторъ создаетъ и мелодію и гармонію, существуетъ у насъ и другого рода пѣніе, гдѣ композиторъ мелодіи не создаетъ самъ, а беретъ ее въ готовомъ видѣ изъ существующихъ уже напѣвовъ, давно употребляемыхъ и освященныхъ церковью (напримѣръ, напѣвы Симонова монастыря, Кіево-Печерской лавры, болгарскій, кіевскій и т. д.), и эту мелодію гармонизируетъ по своему. Это направленіе—переложеніе древнихъ напѣвовъ, въ настоящее время замѣтно усиливается и съ честью вытѣсняетъ увлеченіе прежнимъ концертнымъ пѣніемъ. Нельзя не сознаться, что это доброе направленіе въ церковномъ пѣніи должно быть предпочитаемо первому и дѣйствительно предпочитается. Почему? Да потому, что при этомъ пѣніи представляется сравнительно меньше произвола для композитора-гармонизатора.

Итакъ, какого же пѣнія намъ держаться? Пусть не подумаетъ кто изъ васъ, что такъ называемаго партеснаго пѣнія не должно быть въ церкви. Христіанство никогда не вооружалось противъ пользованія искусствами для религіозныхъ цѣлей: архитектура, живопись, пѣніе—это такія искусства,

которыя всегда существовали въ церкви. Я хотѣлъ указать только на то, что какъ не всякій архитектурный стиль, не всякій иконописный пошибъ допускается для церковнаго употребленія, такъ и не всякое пѣніе, а только согласное съ духомъ нашего богослуженія, прилично въ православномъ храмѣ.

Что касается именно насъ, нашей учительской семинаріи, то намъ можно и желательно принять въ руководство слѣдующія указанія. Вы, воспитанники учительской семинаріи, будете дѣйствовать не въ городахъ, а по преимуществу въ средѣ простого населенія нашихъ селъ и деревень. Поэтому, за бытность свою въ семинаріи, вы должны пріучиться и полюбить прежде всего простое, безыскусственное церковное пѣніе, вникнуть и уразумѣть его мощный духъ, чтобы потомъ сознательно проводить этотъ духъ въ сельскихъ церквахъ. Если непріятно слышать отъ поступающихъ въ семинарію такія заявленія на пріемномъ экзаменѣ по пѣнію: „я простого церковнаго пѣнія не знаю, а знаю партесное", вмѣняя это себѣ въ особое достоинство, то еще непріятнѣе слушать въ сельскихъ церквахъ попытки нѣкоторыхъ регентовъ пѣть такія партесныя вещи, которыя не подъ силу деревенскому хору и потому искалѣчиваются. Зачѣмъ давать незрѣлому младенцу твердую пищу, когда онъ способенъ питаться только молочной пищей? Онъ не разжуетъ этой пищи. Итакъ, простое, а не партесное пѣніе должно быть у насъ на первомъ планѣ, партесное предоставимъ тѣмъ церквамъ, гдѣ имѣются прихожане музыкально развитые и гдѣ имѣется возможность организовать соотвѣтствующій хоръ. Не подумайте, что это пѣніе не будетъ художественно, нѣтъ, оно будетъ весьма художественно и умилительно, только регенту придется усиленно потрудиться, чтобы показать молящимся, что въ этомъ простомъ пѣніи, при надлежащемъ исполненіи, есть дѣйствительно много такого прекраснаго, чего иногда и при образ-

цово исполняемомъ партесномъ пѣніи нѣтъ. Если кому изъ васъ пришлось слышать такое образцовое простое церковное пѣніе, тотъ невольно задумается надъ вопросомъ: въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли подражать этому роду пѣнія, чѣмъ тратить силы на разучиваніе трудныхъ для исполненія пьесъ? Первое будетъ понятно всѣмъ, а второе только нѣкоторымъ.

Еще нѣсколько словъ объ общенародномъ церковномъ пѣніи. Наша церковь должна стремиться и дѣйствительно стремится къ осуществленію того идеала, который требуетъ едиными усты и единымъ сердцемъ славить Бога при молитвѣ. Но, само собою понятно, что это требованіе трудно осуществимо у насъ вслѣдствіе безграмотности народа. Поэтому общенародное пѣніе можно заводить тамъ, гдѣ населеніе грамотно. Въ православныхъ храмахъ Прибалтійскаго края, гдѣ населеніе почти поголовно грамотно, это общенародное пѣніе привилось съ большимъ успѣхомъ. Распространенію тамъ общенароднаго церковнаго пѣнія способствуетъ, правда, еще то обстоятельство, что Прибалтійская паства состоитъ изъ бывшихъ лютеранъ, у которыхъ сохраняется въ силѣ древне-христіанскій обычай общенароднаго пѣнія. Воспитанные въ такомъ духѣ, новообращенные члены рижской епархіи перенесли это общенародное пѣніе и въ свои православные храмы, такъ что нашему духовному начальству пришлось только пойти навстрѣчу этой народной потребности—принимать живое участіе при совершеніи богослуженія. И православный прибалтійскій житель нисколько не жалѣетъ о томъ, что промѣнялъ аккампаниментъ органа на исключительно живой человѣческій голосъ. Итакъ, общенародное пѣніе имѣетъ то существенное преимущество предъ пѣніемъ хора только нѣкоторыхъ лицъ, что здѣсь имѣется возможность каждому молящемуся принимать участіе въ совершеніи богослуженія. Въ этомъ отношеніи общенародное пѣніе можетъ сослужить Церкви великую службу, какъ средство борьбы съ

сектантствомъ, съ невнимательнымъ стоянiемъ въ церкви и съ такъ называемой скукой при богослуженiи. Нечего опасаться, что при этомъ пѣнiи не будетъ стройности; наоборотъ, какъ показываетъ опытъ, здѣсь будетъ больше стройности, такъ какъ волна сотни голосовъ будетъ двигаться, хотя медленно, за то свободно, плавно и отчетливо и будетъ возбуждать въ молящихся высокое чувство умиленiя; псаломщикъ или регентъ уже не будетъ въ состоянiи удержать этой могучей волны, сдѣлать сокращенiя, или невнятно, торопливо, неблагоговѣйно, по дьячковски, пропѣть церковное пѣснопѣнiе.

Свящ. *А. Юрикасъ.*

Епархiальная хроника.

Обозрѣнiе Высокопреосвященнымъ Ѳеогностомъ, Митрополитомъ Кiевскимъ и Галицкимъ, церквей и школъ Звенигородскаго и Черкасскаго уѣздовъ.

— Высокопреосвященный Ѳеогностъ, Митрополитъ Кiевскiй и Галицкiй 30 августа, въ 3 часа по полудни, прибылъ изъ с. Сигнаевки, Звенигородскаго уѣзда, въ с. Носачевъ, Черкасскаго уѣзда. Въ ожиданiи прiѣзда Владыки, въ храмѣ этого села собралось окружное духовенство въ числѣ 15 священниковъ съ причтами, во главѣ съ мѣстнымъ благочиннымъ, свящ. о. Михаиломъ Нестеровскимъ. Для встрѣчи Владыки явились и представители уѣздной и сельской администрацiи. У вратъ ограды Владыку встрѣтили представители сельскаго общества съ хлѣбомъ-солью. Благословивъ хлѣбъ, Владыка направился въ храмъ по пути, усыпанному зеленью и цвѣтами, по обѣимъ сторонамъ котораго правильными рядами стояли хоругвеносцы и крестодержцы, а впереди ихъ

параллельно дѣвочки-поселянки, имѣя въ рукахъ букеты живыхъ цвѣтовъ.

Послѣ обычной встрѣчи у входа во храмъ, Его Высокопреосвященство направился въ алтарь, гдѣ, осмотрѣвъ принадлежности св. престола, обратилъ особое вниманіе на массивный старинный серебряный напрестольный крестъ, пожертвованный, по объясненію настоятеля церкви, строителемъ храма еще въ началѣ прошлаго столѣтія. По обозрѣніи алтаря, Владыка разспросилъ подробно настоятеля о состояніи прихода, церкви и школы, благословивъ при этомъ предположенное устройство въ приходѣ отдѣльнаго зданія для женской церковно-приходской школы на площади, прилегающей къ погосту церковному.

По осмотрѣ церковной библіотеки, Владыкѣ благоугодно было освѣдомиться у мѣстнаго благочиннаго о состояніи окружной благочиннической библіотеки, долженствующей удовлетворять духовенство въ его религіозно-просвѣтительной пастырской дѣятельности. Здѣсь же въ алтарѣ Его Высокопреосвященству представился благочинный 2 окр. Черкасскаго у., свящ. Павелъ Костенковъ, преподнеся рапортъ о состояніи духовенства и церквей ввѣреннаго ему округа. Принявъ рапортъ и освѣдомившись о размѣрахъ округа, Владыка направился къ солеѣ, вблизи которой стояли ученики и ученицы мѣстныхъ школъ и здѣсь произвелъ испытаніе учащихся въ знаніи свящ. исторіи, заповѣдей и символа вѣры. Окончивъ ревизію и преподавъ общее святительское благословеніе, Высокопреосвященный Митрополитъ Ѳеогностъ отбылъ для ночлега въ домъ мѣстнаго землевладѣльца графа Ностица.

Священникъ *А. Шараевскій.*

31-го августа Высокопреосвященному Митрополиту Ѳеогносту, согласно маршруту, предстояло осмотрѣть 7 церквей. Владыка въ 7 часовъ утра отбылъ изъ с. Носачева, Черкасскаго уѣзда въ м. Ротмистровку: здѣсь множество народа, въ

ожиданіи Архипастыря, еще съ разсвѣта наполнило храмъ, погостъ и прилегающую къ церкви площадь. У церковныхъ воротъ Владыку встрѣтилъ мѣстный волостной старшина съ хлѣбомъ-солью отъ крестьянскаго общества. Благословивъ хлѣбъ, Высокопреосвященный Митрополитъ прослѣдовалъ въ храмъ по пути, устланному бѣлымъ холстомъ, среди длинныхъ рядовъ хоругвеносцевъ и народа; женщины и дѣти бросали Владыкѣ подъ ноги цвѣты. Въ притворѣ храма Архипастыря встрѣтило окружное духовенство и настоятель церкви свящ. Н. Кедриновскій. Выслушавъ чинъ встрѣчи, Владыка вошелъ въ алтарь; по осмотрѣ алтаря и его принадлежностей, Его Высокопреосвященство освѣдомился у о. настоятеля о религіозно-нравственномъ состояніи прихода и о степени усердія прихожанъ къ храму Божію. Когда, затѣмъ, Владыка вышелъ на солею для испытанія учениковъ въ знаніи Закона Божія, о. уѣздный наблюдатель доложилъ Его Высокопреосвященству о состояніи мѣстной двухклассной церковно-приходской школы, о дѣятельности и образовательномъ цензѣ учителей и о составѣ учащихся за истекшій учебный годъ (133 мальчика и 33 дѣвочки). Въ числѣ учениковъ были и окончившіе курсъ означенной школы въ настоящемъ году (14 мальчиковъ). Владыка изволилъ спрашивать учениковъ второго класса по церковной исторіи и катихизису, а учениковъ младшаго класса— по Богослуженію и Св. Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Ученики давали обстоятельные и осмысленные отвѣты на всѣ вопросы, хотя за каникулярное время, продолжающееся, обыкновенно, около 6 мѣсяцевъ, возможно было очень многое перезабыть. „Видно, что трудились и ученики, и учителя", сказалъ Владыка, и затѣмъ, раздавъ крестики ученикамъ и благословивъ учителей на дальнѣйшую дѣятельность, направился къ выходу изъ храма, благословляя по пути народъ, и тотчасъ отбылъ изъ Ротмистровки въ м. Смѣлу. Переѣздъ изъ Ротмистровки въ м. Смѣлу былъ довольно утомителенъ: день

выдался очень жаркій (26° Р.), пыль по дорогѣ стояла столбомъ; но Владыка терпѣливо переносилъ всѣ тягости пути. Первая, подлежащая обозрѣнію, церковь въ м. Смѣлѣ была Преображенская. Церковь эта каменная, прекрасной архитектуры, устроена и украшена на щедрыя пожертвованія графовъ Бобринскихъ. Подлѣ этой церкви Владыку встрѣтилъ графъ Алексѣй Бобринскій съ супругой и, принявъ благословеніе, просилъ Его Высокопреосвященство отъ имени своего отца—графа Александра Бобринскаго, послѣ осмотра церквей, посѣтить ихъ домъ. Послѣ обычной встрѣчи, Его Высокопреосвященство въ алтарѣ подробно осматривалъ всю церковную утварь, рѣдкую по своей цѣнности (все это пожертвованія графовъ Бобринскихъ), а также ризницу. Затѣмъ Владыка изволилъ бесѣдовать съ о. настоятелемъ церкви о состояніи ввѣреннаго ему прихода. Выйдя по окончаніи осмотра алтаря на солею, у которой съ одной стороны стояли ученики двухкласснаго училища гр. Бобринскихъ, а съ другой—ученицы частнаго четырехкласснаго пансіона, Владыка пожелалъ испытать учащихся въ знаніи Закона Божія. Одаривъ отвѣчавшихъ учениковъ и ученицъ крестиками и преподавъ всѣмъ присутствовавшимъ общее благословеніе, Владыка отбылъ въ Покровскую церковь. Крайняя ветхость этой церкви и маловмѣстительность обратили особенное вниманіе Архипастыря. Мѣстный благочинный доложилъ Его Высокопреосвященству, что церковь эта не такъ бѣдна, какъ она кажется; она располагаетъ вполнѣ достаточными средствами для постройки новой церкви,—остановка только за выборомъ подходящаго мѣста для нея. Осмотрѣвъ церковную утварь, также довольно цѣнную, и ризницу, Владыка вышелъ на солею и выслушавъ докладъ о. уѣзднаго наблюдателя о томъ, что въ этомъ приходѣ съ недавняго времени существуетъ женская школа грамоты, сталъ испытывать ученицъ этой школы въ знаніи Закона Божія. Здѣсь же Владыкой были

спрошены по Закону Божію ученики и ученицы двухкласснаго министерскаго училища. Пожелавъ всѣмъ учащимъ дальнѣйшихъ успѣховъ на столь отвѣтственномъ поприщѣ, какъ учебно-воспитательное, и благословивъ дѣтей, хорошо отвѣчавшихъ по Закону Божію, крестиками, Высокопреосвященный Митрополитъ отбылъ изъ Покровской церкви въ домъ графовъ Бобринскихъ; а отсюда въ м. Бѣлозерье, куда прибылъ къ 5 часамъ вечера. Въ м. Бѣлозерьѣ предстояло осмотрѣть три церкви. Производя подробный осмотръ всѣхъ трехъ церквей, вникая во всѣ мелочи церковной обстановки, разспрашивая всюду у о.о. настоятелей о степени усердія прихожанъ къ храму Божію, Владыка особенно интересовался знать, какъ поставлено въ каждомъ приходѣ церковно-школьное дѣло. О. уѣздный наблюдатель доложилъ Его Высокопреосвященству, что въ м. Бѣлозерьѣ, при существованіи дорого стоющаго двухкласснаго министерскаго училища и въ виду скораго открытія еще одноклассиаго училища того же вѣдомства, крестьяне не располагаютъ уже средствами для открытія церковныхъ школъ; при каждой же церкви хотя и открыты съ недавняго времени на церковныя средства школы грамоты,—но съ крайне ограниченнымъ количествомъ учащихся и въ самыхъ неудобныхъ помѣщеніяхъ, а потому предположено въ недалекомъ будущемъ, вмѣсто трехъ школъ грамоты, учредить въ м. Бѣлозерьи одну церковно-приходскую женскую школу и обезпечить ее помѣщеніемъ и содержаніемъ на средства всѣхъ трехъ церквей. Владыка изволилъ одобрить такой проектъ и пожелалъ ему скорѣйшаго осуществленія. Спросивъ затѣмъ нѣсколькихъ учениковъ школъ грамоты по Закону Божію и не имѣя возможности за позднимъ временемъ спрашивать еще учениковъ двухкласснаго министерскаго училища, такъ какъ совсѣмъ уже было поздно, Высокопреосвященный Митрополитъ Ѳеогностъ отбылъ изъ Бѣлозерья къ мѣсту ночлега на хуторъ Янковку, къ землевладѣльцу С. Леонтьеву.

На другой день (1 сентября), въ воскресенье, Владыка слушалъ божественную литургію въ селѣ Хацкахъ. Литургію совершалъ мѣстный священникъ Н. Лотоцкій. Пѣлъ хоръ мальчиковъ и дѣвочекъ изъ мѣстной церковно-приходской школы, съ участіемъ взрослыхъ подъ управленіемъ учителя. Литургія окончилась въ половинѣ 11-го часа. Владыка изволилъ благодарить священника за истовое совершеніе богослуженія, а учителя-регента за хорошо исполненное церковное пѣніе. По окончаніи литургіи, Высокопреосвященный Митрополитъ, произвелъ испытаніе учениковъ, по своему обычаю, наградивъ ихъ крестиками. Посѣтивъ жилище настоятеля прихода, Владыка отбылъ въ слѣдующее по маршруту село Степанки, въ 2-хъ верстахъ отъ Хацекъ. Дождь, шедшій въ этотъ день съ утра, усиливался съ каждымъ часомъ и, только благодаря песчаному грунту, можно было продолжать путешествіе. Въ Степанкахъ масса народа, не выходя изъ церкви послѣ литургіи, ожидала пріѣзда Владыки. Настоятель храма свящ. о. Логгинъ Топачевскій, съ прибывшими для встрѣчи священнослужителями, встрѣтилъ Архипастыря у входа въ храмъ съ крестомъ и св. водой. Пѣлъ хоръ школьниковъ подъ управленіемъ учительницы, на что сразу обратилъ вниманіе Владыка. Послѣ литіи и многолѣтія, Владыка осмотрѣлъ алтарь, жертвенникъ, ризницу и пономарню, недавно пристроенную на средства самого же священника, разспросилъ о. настоятеля о прихожанахъ и строителяхъ храма, а затѣмъ, вышелъ на солею и началъ экзаменовать учениковъ и ученицъ мѣстной церковно-приходской школы по Закону Божію. Видя ласковое обращеніе Владыки, дѣти отвѣчали смѣло и осмысленно. Одаривъ школьниковъ и школьницъ крестиками и изъявивъ благодарность учительницѣ за хорошее управленіе хоромъ, Владыка, благословляя по пути народъ, вышелъ изъ храма и направился пѣшкомъ, не смотря на дождь, въ жилище настоятеля, 73-лѣтняго старца іерея. Пробывъ здѣсь около получаса, Вла-

дыка отбылъ въ слѣдующее село—Бузуковъ, въ 2-хъ верстахъ отъ Степанокъ. Народъ и здѣсь ожидалъ Архипастыря, не расходясь послѣ литургіи, и встрѣтилъ Владыку съ подобающимъ торжествомъ; дѣти школьники усыпали путь цвѣтами. И наружный видъ храма, и внутреннее его благоукрашеніе ясно говорили и объ усердіи прихожанъ, и о заботливости пастыря. У солеи Владыка выслушалъ докладъ о. наблюдателя школъ о дѣятельности по школѣ мѣстнаго священника А. Руденка, который въ своей школѣ и съ малыми средствами умѣлъ всегда достигать хорошихъ результатовъ. Испытавъ учениковъ и посѣтивъ жилище настоятеля, Владыка отбылъ въ с. Вергуны.

Село это очень многолюдное,—народъ здѣсь, видимо, очень зажиточный, а церковь до того ветхая, бѣдная и маловмѣстительная, что трудно подобную встрѣтить въ самой бѣдной деревушкѣ; помѣщеніе-же церковно-приходской школы еще болѣе неприглядное. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ видъ этой церкви, еще болѣе угрюмый въ ненастную погоду, на Владыку,—но тутъ же доложено было мѣстнымъ о. благочиннымъ, что уже заложенъ фундаментъ для новой обширной церкви, съ окончаніемъ постройки которой предполагается просить разрѣшенія изъ матеріала старой церкви устроить помѣщеніе для ц.-приходской школы. Здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ приходахъ, Высокопреосвященный Владыка особенное вниманіе обращалъ на положеніе церковно-школьнаго дѣла. У солеи были собраны ученики церковно-приходской школы и одноклассного министерскаго училища, не особенно давно открытаго. Тѣхъ и другихъ Владыка испытывалъ въ знаніи Закона Божія. Изъ церкви пѣшкомъ Владыка прошелъ въ домъ священника, гдѣ пробылъ около $1^1/_2$ ч. и отсюда отбылъ въ с. Нечаевку. Не смотря на продолжавшійся сильный дождь, масса народа встрѣтила Владыку у церковныхъ вратъ; вся дорога до входа въ храмъ была устлана

бѣлымъ холстомъ и живыми цвѣтами. Владыка, по обычаю, прежде въ подробностяхъ осмотрѣлъ алтарь, освѣдомился о состояніи прихода, а затѣмъ вышелъ къ собравшимся у солеи ученикамъ мѣстной ц.-приходской школы и произвелъ имъ испытаніе въ знаніи Закона Божія. Изъ церкви Владыка прошелъ въ домъ священника о. Іакова Иванчи; здѣсь собралось достаточно священниковъ изъ сосѣднихъ селъ, прибывшихъ для встрѣчи своего Архипастыря. Усадивъ всѣхъ возлѣ себя, Владыка долго бесѣдовалъ съ ними о приходскихъ нуждахъ, объ усиленіи пастырской и учительской дѣятельности духовенства, о необходимости возможно широкаго распространенія грамотности среди крестьянскихъ дѣвочекъ и выдѣленіи ихъ въ особыя женскія школы,—о мѣстныхъ всякаго рода обычаяхъ, о распространенныхъ промыслахъ среди крестьянъ и проч. Переночевавъ въ домѣ священника Иванчи, утромъ 2 сентября Владыка отбылъ въ с. Думанцы. Здѣсь, какъ и вездѣ въ предшествующихъ приходахъ, народъ торжественно встрѣтилъ Высокопреосвященнаго Митрополита. Владыка былъ раньше предупрежденъ о. наблюдателемъ школъ, что вслѣдствіе продолжительной болѣзни мѣстнаго священника о. Петра Залѣсскаго, Законъ Божій въ теченіе всего года преподавала учительница. Освѣдомившись затѣмъ отъ учительницы, что дѣти не всегда исправно посѣщаютъ школу и часто, по совершенно неуважительнымъ причинамъ, пропускаютъ уроки, Владыка обратился къ прихожанамъ съ словомъ увѣщанія, въ которомъ указалъ, что они плохо понимаютъ пользу собственныхъ своихъ дѣтей, если по пустымъ причинамъ лишаютъ ихъ возможности посѣщать школу. Изъ Думанецъ Владыка отбылъ въ Онуфріевскій монастырь, расположенный на самой вершинѣ горы, у подошвы которой протекаетъ рѣка Тясмень. Мѣстоположеніе монастыря—господствующее въ отношеніи ко всему густо населенному Тясменскому побережью: всѣ села, расположенныя въ долинѣ, видны изъ монастыря, какъ на ла-

дони. Встрѣченный настоятелемъ монастыря съ братіей, Высокопреосвященнѣйшій Владыка подробно осмотрѣлъ монастырскія церкви—теплую и холодную и самый монастырь, а затѣмъ отправился въ покои о. настоятеля. Здѣсь Владыкѣ представились и вручили рапорты прибывшіе изъ Чигиринскаго уѣзда, для дальнѣйшаго сопровожденія Архипастыря, Чигиринскій уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ, благочинный ближайшаго къ монастырю округа, а также Чигиринскій исправникъ и приставъ. Принявъ затѣмъ предложенный о. настоятелемъ обѣдъ и отдохнувъ немного, Владыка, напутствуемый благопожеланіями монастырской братіи и собравшагося народа, отбылъ въ с. Лубенцы Чигиринскаго уѣзда. Священникъ *Влад. Архангельскій.*

Устройство церковно-приходской школы и каменнаго храма въ селѣ Шпитькахъ, Кіевскаго уѣзда.

Въ послѣдніе годы въ с. Шпитькахъ, Кіевскаго уѣзда, стало особенно замѣтно оживленіе религіозно-нравственной жизни и поднятіе экономическаго быта крестьянъ. Такое явленіе обязано, между прочимъ, благотворному вліянію мѣстнаго землевладѣльца, изъ семьи извѣстныхъ на Руси, а въ особенности въ нашемъ краѣ, благотворителей, А. Н. Терещенко.

Лѣтъ шесть тому назадъ приходъ села Шпитекъ поражалъ крайней бѣдностью крестьянъ въ отношеніи къ духовному ихъ развитію. Для обученія дѣтей въ Шпитькахъ существовала жалкая школка грамоты, помѣщавшаяся въ заброшенной сельской расправѣ, недалеко отъ винной лавки. На содержаніе ея отпускались ничтожныя средства. Не въ лучшемъ состояніи находился и мѣстный приходскій храмъ.

А. Н. Терещенко, внимательный вообще къ нуждамъ крестьянъ, живущихъ въ его имѣніяхъ, сдѣлавшись землевладѣльцемъ с. Шпитекъ, обратилъ вниманіе на неустройства здѣсь школы и храма, и задался цѣлію благоустроить здѣсь

приходскую жизнь, встрѣтивъ полное сочувствіе къ этому отъ всей фамиліи г. г. Терещенко и въ особенности со стороны приснопамятной въ лѣтописяхъ русской благотворительности матери своей—П. Г. Терещенко. Дѣятельнымъ сотрудникомъ въ осуществленіи своихъ желаній онъ нашелъ мѣстнаго молодого священника о. Петра Коломацкаго. Прежде всего начато было приведеніе въ благоустроенный видъ мѣстной церковно-приходской школы. По ходатайству и съ согласія о. П. Коломацкаго, для школьной усадьбы вырѣзанъ былъ изъ церковной священнической усадьбы прекрасный участокъ земли противъ старой церкви. На этомъ участкѣ на средства А. Н. Терещенко воздвигнуто прекрасное школьное помѣщеніе съ квартирой для учителя, обставленное хорошей мебелью, имѣющее библіотеку, полную книгъ и всѣхъ необходимыхъ для школы учебныхъ пособій. Въ пособіе къ мѣстнымъ средствамъ содержанія учителя А. Н. Терещенко уплачиваетъ учителю до 200 рублей въ годъ, что вмѣстѣ составляетъ 360 руб. въ годъ.

За такія заслуги по церковно-школьному дѣлу Кіевское епархіальное начальство утвердило А. Н. Терещенко въ званіи попечителя Шпитьковской церковно-приходской школы, а Святѣйшій Синодъ „въ поощреніе любви его къ дѣтямъ, явленной дѣломъ и истиною“ благословилъ его „Библіей“ (11 мая 1902 г.). Устраивая школу, г. Терещенко вмѣстѣ съ этимъ задумалъ устроить въ с. Шпитькахъ и новый каменный храмъ. Детальная разработка плана и смѣты на постройку этого храма была поручена извѣстному въ Кіевѣ архитектору-академику В. Н. Николаеву. Наиболѣе подхоящимъ мѣстомъ для постройки каменнаго храма могла быть только священническая усадьба. Согласіе на устройство здѣсь храма дано было мѣстнымъ священникомъ, и епархіальное начальство разрѣшило эту постройку. Закладка храма совершена была четыре года тому назадъ. Въ возмѣщеніе приходского священника за отводъ подъ храмъ

церковной усадьбы, А. Н. Терещенко устроилъ для священника между новымъ и старымъ храмомъ домъ, равнаго которому по удобствамъ и благоустройству нѣтъ во всемъ Кіевскомъ уѣздѣ. Послѣ закладки, постройка храма пошла очень быстро и черезъ два года была закончена вчернѣ. Внутренняя отдѣлка его нѣсколько затянулась, вслѣдствіе неисправности художника Мурашко, принявшаго на себя устройство иконостаса. Въ своемъ оконченномъ видѣ Шпитьковскій храмъ представляетъ собой легкое и изящное сооруженіе въ русско-византійскомъ стилѣ. Надъ срединой храма высоко подымается куполъ съ луковицеобразной крышей, нарядно убранной расположенными въ косую шишками. Еще выше поднимается колокольня, устроенная въ русскомъ стилѣ и покрытая такъ-же, какъ и куполъ. Стѣны окрашены въ желтый цвѣтъ, по образцу кіевскихъ кирпичныхъ строеній. Надъ западными дверями вставленъ образъ Покрова Пресвятыя Богородицы прекрасной мозаической работы. Внутри храмъ представляетъ собой форму вписаннаго креста, съ продолженіемъ южнаго и сѣвернаго концовъ его въ алтарной и папертной части въ длину храма. Вслѣдствіе такого внутренняго расположенія, храмъ распадается на три нефа. Средній и южный нефы предназначены для народа, а сѣверный—для семейства храмостроителя. Престолы устроены только въ средней и сѣверной части алтаря, а южная часть предназначена для ризницы и пономарни. Алтарная часть отдѣлена отъ средней во всѣхъ трехъ нефахъ иконостасомъ. Иконостасъ средней высоты съ двумя ярусами иконъ. Въ нижнемъ ярусѣ иконы большихъ размѣровъ, а въ верхнемъ—гораздо меньше. Устройство иконостаса отличается большимъ изяществомъ. Почти всѣ иконы изготовлены въ мастерскихъ художниковъ—Мурашко и Андреева. Деревянныя и позолоченныя работы въ иконостасѣ начаты въ мастерской Мурашко и окончены Шатровымъ. Иконная живопись представляетъ собой копіи художественной

живописи въ Кіево-Владимірскомъ соборѣ по преимуществу и въ нѣкоторыхъ другихъ выдающихся русскихъ храмахъ. Внутренняя окраска храма—нѣжнаго, свѣтло-желтаго цвѣта. Вполнѣ гармонично съ общимъ фономъ подобрана въ храмѣ и церковная утварь. Среди каждаго изъ трехъ нефовъ храма свѣшивается изящное бѣлое паникадило. Предъ алтарными иконами и за престоломъ поставлены массивные бѣлые подсвѣчники. Священническія и другія облаченія изготовлены изъ свѣтло-желтой золотистой матеріи. Всѣ эти вещи пріобрѣтены въ извѣстной московской мастерской церковныхъ вещей фирмы бр. Сапожниковыхъ. Вообще храмъ въ Шпитькахъ настолько прекрасно устроенъ и обставленъ, что, несомнѣнно, займетъ первое мѣсто среди сельскихъ храмовъ Кіевскаго уѣзда и могъ бы занять видное мѣсто въ любомъ городѣ.

Всѣ работы по устройству храма закончены были къ 29 сентября с. г. Въ этотъ день было предположено освятить главный престолъ храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а освященіе другого престола во имя преподобной Пелагіи, устроеннаго въ части храма, предназначенной для семейства г.г. Терещенко, отложено на неопредѣленное время. Для освященія храма, по благословенію Высокопреосвященнаго Θеогноста, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, былъ назначенъ членъ Кіевской духовной консисторіи, протоіерей П. Г. Преображенскій. Вмѣстѣ съ нимъ, по приглашенію храмоздателя, прибылъ въ Шпитьки кіевскій уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ свящ. Д. А. Никитинъ. Накануне дня освященія, вечеромъ 28 сентября, совершенно было всенощное бдѣніе о. прот. П. Преображенскимъ въ сослуженіи мѣстнаго о. благочиннаго свящ. С. Ходзицкаго, уѣзднаго наблюдателя свящ. Д. Никитина и приходскаго свящ. П. Коломацкаго, двухъ діаконовъ Кіево-Софійскаго собора—Рожалина и Руткевича, при пѣніи хора Калишевскаго. Во все время всенощнаго бдѣнія въ храмѣ присутствовали: самъ храмо-

строитель А. Н. Терещенко съ супругой, сестра его В. Н. Ханенко съ супругомъ, зятья—г.г. Сахновскій и Иващенко, гости, служащіе, уѣздная полиція и множество молящихся. На другой день въ 7 часовъ утра совершено было водоосвященіе и перенесеніе антиминса въ старый храмъ. Чинъ освященія храма былъ начатъ въ $9^1/_2$ часовъ. Кромѣ названныхъ лицъ, въ немъ приняли участіе прибывшіе изъ сосѣднихъ селъ—прот. В. Сикорскій и священники: Цариковскій и Гороновскій. Во время освященія и слѣдовавшей затѣмъ литургіи, храмъ былъ переполненъ народомъ, привлеченнымъ сюда необычной торжественностію богослуженія, не только изъ Шпитекъ, но и изъ другихъ селъ. По окончаніи чина освященія, было возглашено многолѣтіе Царствующему дому, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященному Митрополиту Ѳеогносту, храмостроителямъ, жителямъ с. Шпитекъ, посѣтителямъ храма, и вѣчная память болярынѣ Пелагіи, съ особенной любовью относившейся къ Шпитькамъ. Во время причастнаго стиха мѣстный священникъ о. П. Коломацкій обратился къ народу съ словомъ, въ которомъ яркими чертами изобразилъ значеніе совершившагося событія, какъ выраженія искренней заботливости Терещенко о духовныхъ нуждахъ жителей с. Шпитекъ, за что они нравственно обязаны всегда возносить въ новоустроенномъ храмѣ молитву о его благополучіи и благодарную память о немъ передать своимъ потомкамъ. По окончаніи литургіи, прот. П. Преображенскій, стоя съ крестомъ въ рукахъ, привѣтствовалъ храмоздателя съ совершившимся торжествомъ отъ имени Высокопреосвященнаго Митрополита Ѳеогноста и выразилъ ему чувства глубокой благодарности за устройство храма. Послѣ рѣчи протоіерея П. Преображенскаго, мѣстный священникъ П. Коломацкій, на молитвенную память о совершившемся событіи, отъ своего лица и отъ лица прихожанъ поднесъ храмоздателю цѣнную икону Казанской Божіей Матери, а прихожане—хлѣбъ соль.

Такъ совершилось дѣло устроенія новаго храма въ с. Шпитькахъ. Свящ. *Д. Никитинъ.*

Торжественное освященіе новаго храма при городской богодѣльнѣ имени М. П. Дегтерева. 27-го октября совершено освященіе новыхъ зданій богадѣльни коммерціи совѣтника М. П. Дегтерева, а 28—освященіе новаго храма во имя Святителя Михаила, митрополита Кіевскаго. Чинъ освященія церкви совершалъ Высокопреосвященный Митрополитъ Θеогностъ въ сослуженіи намѣстника Кіево-Печерской лавры, архимандрита Антонія, настоятеля Кіево-Выдубецкаго монастыря, архимандрита Евлогія, ключаря Софійскаго собора, протоіерея П. Орловскаго, настоятеля Владимірскаго собора прот. І. Королькова, члена консисторіи П. Преображенскаго, свящ. П. Колосовскаго и К. Терлецкаго и хора пѣвчихъ Софійскаго собора. Послѣ чина освященія храма, Владыкой была отслужена божественная литургія. Вмѣсто запричастнаго стиха новымъ настоятелемъ храма, священникомъ М. Стельмашенко, произнесено было соотвѣтствующее слово. Послѣ литургіи Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Θеогностомъ въ сослуженіи преосвященныхъ: Платона, епископа Чигиринскаго, и Агапита, епископа Уманскаго, участниковъ въ чинѣ освященія храма и литургіи, а также и другихъ священниковъ, былъ отслуженъ молебенъ св. Покровителю храма—Святителю кіевскому Михаилу. Новый храмъ—обширный, вмѣщаетъ около 1000 человѣкъ; построенъ по плану академика архитектуры В. Н. Николаева; живопись въ иконостасѣ исполнена художникомъ Сонинымъ; самый иконостасъ, клиросы и кіоты—Даболингомъ, церковь расписана Шмидтомъ, церковная утварь доставлена магазиномъ Фоломина.

Годичный актъ въ Кіевской духовной академіи. Въ субботу, 2 ноября, состоялся годичный актъ въ Кіевской духовной академіи.

Въ 12 часовъ, по прибытіи Высокопреосвященнаго Митрополита Θеогноста, актъ начался пѣніемъ молитвы и рѣчью

доцента академіи А. А. Глаголева—о благотворительности у древнихъ евреевъ и отличіи ея отъ христіанской благотворительности. Послѣ рѣчи, хоръ студентовъ пропѣлъ духовный концертъ. Затѣмъ заслуженнымъ профессоромъ академіи, членомъ правленія, П. И. Линицкимъ, прочитано было краткое извлеченіе изъ годичнаго отчета о состояніи академіи за истекшій учебный годъ. Въ отчетѣ были отмѣчены болѣе важныя перемѣны, происшедшія въ академической корпораціи. Къ такимъ перемѣнамъ, между прочимъ, относится назначеніе бывшаго ректора академіи, преосвящ. Димитрія епископомъ Тамбовскимъ, а бывшаго инспектора архимандрита Платона ректоромъ академіи, съ возведеніемъ въ санъ епископа Чигиринскаго, назначеніе заслуженнаго профессора академіи М. Ф. Ястребова—инспекторомъ академіи, избраніе экстраординарныхъ профессоровъ В. Н. Малинина и Н. М. Дроздова ординарными профессорами, а исправлявшаго должность доцента I. А. Бородовича штатнымъ доцентомъ академіи. Въ заключеніе отчета проф. Линицкимъ сдѣлана была краткая характеристика духовной школы и значенія ея для церкви, общества и государства. Актъ почтили своимъ присутствіемъ преосвященные: Сильвестръ, епископъ Каневскій, и Агапитъ, епископъ Уманскій, намѣстникъ Кіево-Печерской Лавры архимандритъ Антоній, ректоръ семинаріи архимандритъ Ѳеодосій, городское духовенство, вице-губернаторъ баронъ Ф. А. Штакельбергъ, городской голова В. Н. Проценко, попечитель округа В. И. Бѣляевъ, и много любителей духовнаго просвѣщенія.

Актъ въ кіевской духовной семинаріи. 3 ноября состоялся годичный актъ въ Кіевской духовной семинаріи. Въ часъ дня прибылъ въ семинарію Высокопреосвященный Ѳеогностъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, встрѣченный пѣніемъ: „Достойно есть“ и „ис полла эти деспота“. Актъ открылся пѣніемъ молитвы: „Царю небесный“ и рѣчью преподавателя латинскаго языка Н. Н. Пальмова на тему:

„Просвѣщеніе русскаго народа въ православно-церковномъ духѣ по воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго“.

Затѣмъ хоромъ воспитанниковъ былъ исполненъ концертъ Бортнянскаго: „Воскликните Господеви вся земля“ Послѣ концерта послѣдовала раздача наградъ. Актъ закончился исполненіемъ ученическимъ хоромъ „актовой пѣсни“ Гловача—„свѣтлой радостью горя“ и русскимъ народнымъ гимномъ: „Боже, Царя храни“, исполненнымъ ученическимъ хоромъ, оркестромъ и всѣми присутствующими. На актѣ присутствовали также преосвященные: Платонъ, епископъ Чигиринскій—ректоръ духовной академіи и Агапитъ, епископъ Уманскій и нѣкоторыя лица изъ духовенства. Другихъ приглашенныхъ не было, такъ что актъ носилъ характеръ чисто семейнаго торжества.

Награды получили нижеслѣдующіе воспитаники: 1 осн. кл.: Козицкій Петръ и Костенко Леонтій; 1 пар. кл. Рихтеръ Михаилъ; 1 епарх. кл. Токаржевскій-Карашевичъ Всеволодъ; 2 осн. кл. Дмитревъ Леонидъ; 2 пар. кл. Мизерницкій Илья; 3 осн. кл.: Пахаревскій Леонидъ, Туркевичъ Георгій, Туркевичъ Максимиліанъ, Граевскій Иванъ и Гордіевскій Михаилъ; 3 пар. кл.: Хотинскій Яковъ и Подгурскій Петръ; 4 осн. кл.: Собакевичъ Антоній и Компанъ Николай; 4 пар. кл.: Высоцкій Михаилъ, Садовскій Петръ и Гринбергъ Григорій; 5 осн. кл.: Аверьяновъ Борисъ и Пахаревскій Евгеній; 5 пар. кл.: Сушицкій Өеоктистъ и Леонидовъ Николай.

— 5-го ноября, въ 8 час. в. изволилъ выѣхать изъ Кіева въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ Высокопреосвященный Өеогностъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. Проводить Владыку собрались на вокзалъ преосвященные викаріи Кіевской епархіи, о. намѣстникъ Кіево-Печерской Лавры, о. ректоръ семинаріи, члены консисторіи, благочинные монастырей и церквей кіевскихъ, высшее духовенство г. Кіева, профессора Академіи и представители гражданской власти.

ИЗЪ ИНОЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Миссіонерскіе съѣзды въ епархіяхъ Пермской, Донской и Одесской.—Инструкція епархіальнымъ миссіонерамъ Подольской епархіи.—Пробѣлъ въ нашей внутренней миссіи.

Въ августѣ и сентябрѣ прошедшихъ мѣсяцахъ с. г. происходили епархіальные миссіонерскіе съѣзды: 1) въ г. Перми (съ 20 по 26 августа), 2) въ г. Новочеркасскѣ (съ 9-го по 16 сентября) и 3) въ г. Одессѣ (съ 22 по 25 сентября). Занятія Пермскаго епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда состояли по преимуществу въ ознакомленіи членовъ его-миссіонеровъ съ раціональными способами и пріемами преній съ раскольниками. По заявленію о. епархіальнаго миссіонера священника Ѳ. Логиновскихъ, въ Пермской епархіи въ текущемъ году появились расколоучители новаго типа, для которыхъ толстая закоптѣлая старопечатная книга не стала уже столь авторитетна: они теперь не пренебрегаютъ уже книгами и гражданской печати, нерѣдко даже пользуются сочиненіями писателей православныхъ. Для нападенія на православную церковь расколоучители новаго типа ищутъ помощи въ святоотеческихъ твореніяхъ, въ новыхъ русскихъ переводахъ ихъ, тщательно стараясь выловить здѣсь хотя что-нибудь, благопріятствующее ученіямъ раскола, и, наоборотъ, намѣренно замалчивая прямыя обличенія раскола, находящіяся въ тѣхъ же твореніяхъ богоносныхъ отцовъ (Пермск. Епарх. Вѣд. № 35, часть оффиц.). На съѣздѣ были произведены примѣрныя преніи самими о. о. миссіонерами, изображавшими двѣ стороны-православныхъ и раскольничьихъ апологетовъ. Такимъ образомъ, Пермскій епархіальный миссіонерскій съѣздъ носилъ характеръ миссіонерскихъ курсовъ.

Донской епархіальный миссіонерскій съѣздъ въ своихъ засѣданіяхъ занимался также преимущественно разрѣшеніемъ вопросовъ о миссіи въ средѣ раскола. Живое участіе въ занятіяхъ съѣзда принималъ мѣстный высокопреосвященный архіепископъ Аѳанасій, обратившійся къ членамъ съѣзда и

духовенству съ пространною рѣчью о значенiи церковно-школьной дѣятельности духовенства вообще и для миссiонерскаго дѣла въ частности. Рѣчь эта уже напечатана въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ (Донск. Епарх. Вѣд. № 27).

Съѣздъ миссiонеровъ въ г. Одессѣ происходилъ въ присутствiи всѣхъ окружныхъ и благочиннических миссiонеровъ епархiи. На съѣздѣ были вновь разсмотрѣны и подвергнуты живому обсужденiю всѣ, прежде выработанные, планы и методы веденiя бесѣдъ съ сектантами, причемъ провѣрка пригодности этихъ плановъ была произведена путемъ примѣрныхъ бесѣдъ миссiонеровъ по тому или иному вопросу вѣры, отвергаемому или искажаемому сектантами, а также и посредствомъ бесѣдъ съ сектантами города Одессы. Затѣмъ съѣздъ занимался выработкою новыхъ плановъ и методовъ бесѣдъ: съ штундистами—о таинствѣ покаянiя и съ хлыстами—о таинствѣ брака. Далѣе былъ обсужденъ вопросъ объ устройствѣ и открытiи въ епархiи окружныхъ противосектантскихъ библiотекъ и, гдѣ возможно, миссiонерскихъ читаленъ для интеллигентнаго и простого народа (Мисс. Обозр. Октябрь 1902 г. стр. 537).

Въ Подольскихъ Епархiальныхъ Вѣдом. (№ 41 с. г. часть оффиц.) напечатана „инструкцiя епархiальнымъ миссiонерамъ Подольской епархiи", составленная предсѣдателемъ епархiальнаго миссiонерскаго комитета, каѳедральнымъ протоiереемъ Н. Бунинымъ, и утвержденная мѣстнымъ преосвященнымъ епископомъ Христофоромъ 4 окт. 1902 года. Обширная инструкцiя эта состоитъ изъ 64 §§, раздѣленныхъ на три отдѣла, и по существу представляетъ сводъ дѣйствующихъ государственныхъ, церковныхъ и мѣстноепархiальныхъ законоположенiй, касающихся епархiальнаго миссiонера. Въ I отд. „Инструкцiи", содержащемъ „общiя положенiя", прежде всего, отмѣчено, что миссiонерская дѣятельность въ епархiи имѣетъ двѣ стороны: *положительную*,—направляемую на не-

правомыслящихъ и отторгнувшихся отъ тѣла Церкви Христовой (сектантовъ, раскольниковъ и католиковъ), и 2) *отрицательную*,—имѣющую своимъ объектомъ пребывающихъ въ лонѣ православной Церкви чадъ ея. Вслѣдствіе этого въ епархіи учреждены должности трехъ миссіонеровъ,—противораскольническаго, противосектантскаго и противокатолическаго. Епархіальнымъ миссіонерамъ по должности и на разъѣзды назначено первому и второму по 800 р. въ годъ, а третьему 300 рублей въ годъ, но допущено для нихъ и совмѣщеніе прямой службы съ исполненіемъ однородныхъ обязанностей по церковно-школьному дѣлу въ своемъ для каждаго районѣ (быть, напр., уѣзднымъ наблюдателемъ). „Инструкція", опредѣляя отношенія епархіальныхъ миссіонеровъ къ приходскимъ священникамъ, требуетъ „единства ихъ дѣйствій" въ духѣ братской либви и взаимной помощи, съ устраненіемъ всякихъ личныхъ недоразумѣній, могущихъ служить къ ослабленію и подрыву ихъ дѣятельности во вредъ св. Церкви. „Высокомѣріе и надменность въ этомъ отношеніи нетерпимы въ епархіальномъ миссіонерѣ по преимуществу" (§ 13).

Во II отд. „Инструкціи" изложены „общія обязанности епархіальныхъ миссіонеровъ". Въ составъ этихъ обязанностей входятъ: воздѣйствіе на отступниковъ, заблуждающихся и колеблющихся, руководство окружными миссіонерами, раздѣленіе труда съ благочинными по наблюденію за благоповеденіемъ клира, а равно и исполненіе нарочитыхъ порученій духовной консисторіи, буде таковыя имъ даны, представленіе ежемѣсячныхъ отчетовъ епархіальному миссіонерскому комитету, составленіе годового отчета о состояніи въ подвѣдомомъ районѣ епархіальной миссіи и судебная экспертиза.

Частными обязанностями епархіальнаго миссіонера, отмѣченными въ III отд. „Инструкціи" являются публичныя и частныя собесѣдованія. Инструкція указываетъ предметы и способы веденія бесѣдъ съ раскольниками и сектантами.

Въ отношеніи же къ католичеству поручается вниманію епархіальнаго миссіонера наблюденіе за пропагандой воинствующаго католицизма, какъ для охраненія православныхъ отъ увлеченія латинствомъ, такъ и для возвращенія въ лоно православной Церкви ея чадъ, отторгнутыхъ отъ нея обольщеніемъ. Въ §§ 62 и 63 „инструкціи" рекомендуется противокатолическому миссіонеру обращать вниманіе, напр., на то, чтобы православные не посѣщали костеловъ,—чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ обучались въ церковной школѣ,—чтобы не распространялись въ православномъ населеніи апокрифы латинской церкви,—чтобы, въ противовѣсъ католическимъ „отпустамъ", въ православномъ храмѣ совершались торжественныя богослуженія.

Содержаніе „Инструкціи епархіальнымъ миссіонерамъ Подольской епархіи" даетъ полное право признать ее выдающимся законодательнымъ положеніемъ мѣстной епархіальной власти. По изъятіи изъ нея мѣстнаго элемента, безъ преувеличенія, необходимо признать ея важное значеніе и вообще въ дѣлѣ отечественной внутренней миссіи. Она устраняетъ тотъ пробѣлъ въ епархіальной миссіи, о которомъ сѣтуетъ извѣстный нашимъ читателямъ священникъ Ставропольской епархіи Е. Тимоѳеевскій. По словамъ его (Ставр. Епарх. Вѣд. № 19 с. г.), въ настоящее время епархіальному миссіонеру „необходимо особенно продолжительное пребываніе и опытная работа" въ центрахъ раскола и сектантства, по примѣру апостольской миссіи. „Бывая тамъ по-долгу (а не по днямъ и и часамъ только), епархіальный миссіонеръ можетъ, помимо бесѣдъ съ народомъ, приглашать съ собой и къ себѣ ближайшихъ, по мѣсту службы, окружныхъ миссіонеровъ, и, подражая дѣятельности св. апостола Павла въ церквахъ Асійскихъ, опытно „*научатъ ихъ предъ людьми и по домамъ*". (Дѣян. Ап. 20, 20), какъ лучше разгонять тьму падшихъ во тьму.

Библіографическая замѣтка.

Православная богословская энциклопедія. Изданіе подъ редакціей профессора А. П. Лопухина. Т. III ч. 2.

Вышелъ и недавно разосланъ—подписчикамъ журнала „Странникъ“ новый выпускъ „Православной богословской энциклопедіи“. Этотъ новый выпускъ энциклопедіи составленъ еще болѣе тщательно и серьезно, чѣмъ предшествующіе выпуски, на которые мы уже неоднократно обращали вниманіе нашихъ читателей. Видно, что замѣчанія, сдѣланныя въ свое время, по поводу прежнихъ выпусковъ энциклопедіи, критикою, возъимѣли должное дѣйствіе на издательскую редакцію, и она стала относиться къ предпринятому изданію какъ только можно серьезно и внимательно. Къ составленію церковно—богословскихъ очерковъ, имѣющихъ, въ своей совокупности, составить „Православную богословскую энциклопедію“, привлечены, видимо, лучшія научныя силы. Изъ всего этого можно увѣренно заключить, что изданіе это обѣщаетъ быть однимъ изъ самыхъ полезныхъ и необходимыхъ, между прочимъ, и для пастыря церкви.

Для того, чтобы наши читатели, не видѣвшіе еще изданія, о которомъ мы ведемъ рѣчь, могли со всею ясностію представить важность „Православной богословской энциклопедіи“ для пастыря, мы отмѣтимъ важнѣйшіе церковно-богословскіе, историческіе, литургическіе и каноническіе очерки, нашедшіе себѣ мѣсто въ послѣднемъ, только что полученномъ нами третьемъ томѣ ея.

Здѣсь находятся, между прочимъ, слѣдующіе, полно и обстоятельно составленные, очерки: 1) *о водоосвященіи*, 2) *о возрожденіи*, 3) *о воплощеніи* 4) *о воскресеніи Христовомъ*, 5) *о воскресеніи изъ мертвыхъ*, 6) *о воскресномъ днѣ и христіанскомъ препровожденіи его*, 7) *о воспитаніи*, 8) *о воспріемникахъ*, 9) *о воцерковленіи*, 10) *о времясчисленіи*, 11) *о*

входъ въ алтарь, 12) *о вѣроотступничествѣ*, 13) *о вѣнцѣ брачномъ*, 14) *о вѣнчикѣ*, 15) *о восковой свѣчѣ*, 16) *о воскомастихѣ*, 17) *о воздвиженіи*, 18) *о винѣ и винодѣліи*, 19) *о вдовахъ и вдовствѣ въ духовенствѣ* 20) *о Варлаамѣ и варлаамитахъ*

Въ томъ же выпускѣ помѣщены историческіе очерки слѣдующихъ *епархій: Владивостокской, Владикавказской, Владимірской, Вологодской, Волынской, Воронежской и Вятской*, а также слѣдующихъ *церковно-историческихъ дѣятелей: Варлаама Ясинскаго, Варсонофія В., Варсонофія Казанскаго, Василія В., Вассіана Патрикѣева, Викентія Лиринскаго, Виклифа Джона, Влеммида Никифора* и др.

Здѣсь же находимъ подробные очерки по литургикѣ: *о вечернѣ, о всенощномъ бдѣніи* и др.

Къ третьему тому энциклопедіи приложено 42 иллюстраціи и карты, между прочимъ, карты епархій: *Владивостокской, Владикавказской, Владимірской, Вологодской, Волынской, Воронежской и Вятской*, карты *Малой Азіи съ показаніемъ мѣстъ жизни и дѣятельности Св. Василія В.;* нѣсколько потретовъ замѣчательныхъ дѣятелей и видовъ.

Очень желательно было бы, чтобы, въ виду сказаннаго о „Православной богословской энциклопедіи“, въ виду ея особенной важности, она составила необходимую принадлежность всякой церковной библіотеки.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Содержаніе: Слово о внутреннемъ достоинствѣ и внутренней красотѣ женщины христіанки.—Нѣсколько словъ о церковно-богослужебномъ чтеніи и пѣніи.—Епархіальная хроника.—Изъ иноепархіальныхъ извѣстій.—Библіографическая замѣтка.—Объявленія.

Въ приложеніи: Педагогическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого.

Отъ Кіевск. дух. цензур. Комитета печат. дозв. 9 ноября, 1902 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.

Педагогическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого.[1]

Среди того немногаго, что сдѣлано въ нашей педагогической литературѣ для принципіальнаго рѣшенія вопросовъ воспитанія, не обошлось безъ опыта радикально отрицательнаго направленія. Такова оригинальная педагогія графа Л. Н. Толстого. Еще въ 60-хъ годахъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, Толстой, можно сказать, весь отдался заинтересовавшимъ его вопросамъ воспитанія: рѣшалъ ихъ не только въ теоріи, но для провѣрки своихъ выводовъ открылъ у себя въ Ясной Полянѣ (Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи) школу, въ которой самъ непосредственно направлялъ всѣмъ ходомъ обученія крестьянскихъ дѣтей. Результаты не замедлили тогда же явиться въ печати, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ статьями позднѣйшаго времени, образовался довольно большой отдѣлъ въ литературныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого—спеціально педагогическаго характера.

[1]) Изъ чтенія, предложеннаго въ собраніи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества 17 марта 1902 г.

Задача настоящаго чтенія—представить анализъ лишь главнѣйшихъ положеній „педагогики“ Толстого, составляющихъ основную, принципіальную часть ея и вызывающихъ обсужденіе съ христіанской точки зрѣнія.

Въ основаніи воспитанія, въ какой бы формѣ мы ни взяли его (пансіоны, гимназіи, университеты), по словамъ Толстого, „лежитъ одинъ и тотъ же принципъ: признанное за однимъ человѣкомъ, или небольшимъ собраніемъ людей, право дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ имъ хочется“. Между тѣмъ, *права воспитанія не существуетъ.*

По мнѣнію нашего писателя, человѣчество до сихъ поръ не имѣетъ опредѣленныхъ, вполнѣ сложившихся общепризнанныхъ идеаловъ, которые могли бы служить конечною цѣлію для воспитанія. Что такое наилучшій человѣкъ, мы не знаемъ. Мы только постоянно ищемъ отвѣта на этотъ вопросъ и результаты своихъ исканій переносимъ и въ воспитаніе. Религіозное воспитаніе—это обманъ, сознательный обманъ взрослыми людьми дѣтей, отражающійся крайне гибельно на дѣтской душѣ. Это—„пріемъ обмана вѣры, говоритъ Толстой, самый жестокій, потому что онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спрашивающему у старшихъ, жившихъ прежде него и имѣвшихъ возможность познать мудрость прежде жившихъ людей, о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь, и какое отношеніе между тѣмъ и другимъ, отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе (?), а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ, и во что никто изъ большихъ уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить (?). Вмѣсто духовной, необходимой ему пищи, о которой проситъ ребенокъ, *ему дается губящій его здоровье ядъ,* отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усиліями и страданіями“. Нравственные идеалы съ абсолютнымъ значеніемъ находятся въ процессѣ постояннаго развитія, который совершается *безсознательно,* независимо отъ воли отдѣльныхъ личностей, всѣмъ человѣче-

ствомъ. Своею яко-бы помощью мы скорѣе приносимъ лишь вредъ, тормозимъ естественный ходъ развитія міровыхъ идеаловъ.

„Воспитывая, образовывая, развивая, или, какъ хотите дѣйствуя на ребенка, говоритъ Толстой, мы должны имѣть и имѣемъ безсознательно одну цѣль—достигнуть наибольшей гармоніи въ смыслѣ правды, красоты и добра". При этомъ мы, конечно, „видимъ свой идеалъ *впереди*". Между тѣмъ, „здоровый ребенокъ родится на свѣтъ, вполнѣ удовлетворяя тѣмъ требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра, которыя мы носимъ въ себѣ".

Если такова природа дѣтской души, то возрастаніе и развитіе ея силъ нужно предоставить ей самой, тѣмъ естественнымъ законамъ, которымъ необходимо подчиняется все живущее. Всякое воздѣйствіе съ нашей стороны, въ смыслѣ сознательнаго направленія духовныхъ силъ питомца въ ту или иную сторону, не только не можетъ быть полезнымъ здѣсь, но должно быть признано прямо вреднымъ. „Ребенка развиваютъ все дальше и дальше, и все дальше и дальше удаляются отъ бывшаго и уничтоженнаго первообраза, и все невозможнѣе и невозможнѣе дѣлается достиженіе воображаемаго первообраза совершенства взрослаго человѣка. *Идеалъ нашъ сзади, а не впереди*".

Отъ этого идеала мы, взрослые люди, ушли слишкомъ далеко. Почему? потому что все то, чѣмъ такъ гордится человѣчество, что считаетъ оно признакомъ и доказательствомъ своего духовнаго роста, развитія, такъ называемаго прогресса, вся наша культура и цивилизація, науки, искусства, всѣ видимыя улучшенія жизни—все это, по мнѣнію Толстого, ложно, испорчено въ самомъ корнѣ своемъ, все это идетъ по ложному пути, противно и духовной и физической природѣ человѣка.

„Мы устроили себѣ жизнь, говоритъ онъ, противную и нравственной и физической природѣ человѣка и всѣ силы сво-

его ума напрягаемъ на то, чтобы увѣрить человѣка, что это то и есть самая настоящая жизнь. „Какъ мы... ни поправляемъ, ни подпираемъ съ помощью нашей науки и искусства эту нашу ложную жизнь,—жизнь эта становится съ каждымъ годомъ и слабѣе, и болѣзненнѣе, и мучительнѣе... Очевидно, что на этомъ пути увеличенія удобствъ и пріятностей жизни... не можетъ быть спасенія".

Какое же право, послѣ этого, имѣемъ мы, взрослые люди, прививать эту нашу жизнь, всѣ эти наши ложные идеалы, всю эту свою извращенную культуру каждому новому поколѣнію, чистой, совершенной душѣ дитяти? „Я убѣжденъ, говоритъ Толстой, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ *зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т. е. больше испорченнымъ*"...

Вотъ къ какому удивительному открытію (и, вѣроятно, совершенно неожиданному, какъ почти всѣ открытія) можно прійти, неуклонно, не смотря ни на что, слѣдуя по разъ избранному пути крайняго отрицанія!...

Толстой, отвергнувъ воспитаніе какъ оно есть и какъ понимается обыкновенно, пытается рѣшить и другую сторону вопроса—показать, какимъ оно должно быть или, говоря его словами, чѣмъ должно быть замѣнено это подлежащее устраненію воспитаніе.

Онъ старается, прежде всего, внесть точное разграниченіе въ общеупотребительные, но плохо различаемые термины: воспитаніе, образованіе и отчасти—преподаваніе. „Воспитаніе, по его опредѣленію, есть *принудительное, насильственное* воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образоватч такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть *свободное* отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другого—сообщать уже пріобрѣтенное имъ. Преподаваніе и ученіе суть

средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе исключительно, т. е. преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными... Не воспитаніе—этотъ актъ насилія взрослаго человѣка надъ юною душою, а образованіе, какъ свободное пріобрѣтеніе этою душою знаній изъ всевозможныхъ источниковъ и свободное развитіе ея единственно „законно и справедливо". Въ основѣ его лежитъ естественное въ человѣкѣ стремленіе къ равенству *знаній*,—«стремленіе образовывающагося къ равенству въ знаніи съ образовывающимъ». Отсюда—задача послѣдняго заключается лишь въ томъ, чтобы передать тѣ знанія, какія онъ имѣетъ, молодому уму, ищущему ихъ. Какъ только это сдѣлано, и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, равенство обѣихъ сторонъ достигнуто, дѣятельность образовывающаго прекращается. „Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ—необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣетъ, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ". Пытаться предвидѣть послѣдствія науки, результаты ея вліянія на личность ученика,—это не должно входить въ задачу школы. Ея дѣло только передача знаній, науки, а наука сама по себѣ, по мнѣнію Толстого, никакого воспитательнаго элемента въ себѣ не заключаетъ.

Наилучшими образцами такого свободно-образовательнаго вліянія могутъ служить публичныя лекціи и музеи, выучиваніе грамоты отъ товарищей и братьевъ, народныя дѣтскія игры, публичныя зрѣлища, райки, картины и книги, сказки и пѣсни, работы... Въ общемъ смыслѣ, все это также можетъ быть названо школой. Но та же свобода должна лечь въ основу и всякой обыкновенной школы, конечно, радикально измѣнивъ при этомъ весь нынѣшній строй ея. И какъ на доказательство, что это дѣло возможное, вполнѣ осуществимое

на практикѣ, Толстой указываетъ на свой опытъ въ Ясной Полянѣ.

Ясно-Полянская школа была основана всецѣло на принципѣ свободы, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ. Идутъ ученики въ классъ (по доброй волѣ „ученикъ всегда имѣлъ право не ходить въ школу") и ничего не несутъ съ собою—ни книгъ, ни тетрадей». Мало того, имъ нечего и въ головѣ нести (?!). Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье и никогда не опаздываютъ,—нешто старшіе, которыхъ отцы другой разъ задержатъ дома какою-нибудь работой. И тогда этотъ большой рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу". Располагаются ученики въ классѣ во время урока гдѣ кому вздумается: на лавкахъ, столахъ, подоконникѣ, на полу, на креслѣ, которое, составляя предметъ зависти для болѣе самостоятельныхъ, служитъ причиною возни и потасовокъ.

Этотъ внѣшній безпорядокъ, по мнѣнію Толстого, не можетъ вредно отзываться на школьной работѣ учениковъ. Во-первыхъ, послѣдніе,—разъ они по собственной волѣ приходятъ въ школу съ цѣлью учиться,—сами скоро придутъ къ тому заключенію, что для успѣшности этого ученія имъ необходимо подчиняться извѣстнымъ условіямъ внѣшняго порядка. Во-вторыхъ, этотъ безпорядокъ даже „полезенъ и незамѣнимъ", какъ условіе, при которомъ сохраняется ученикамъ полная свобода прямо и ясно выражать свое отношеніе къ школѣ и ея урокамъ; а это уже чрезвычайно важный, единственно вѣрный критерій для оцѣнки всего школьнаго дѣла.

Тоже самое, такой же безпорядокъ царилъ и въ занятіяхъ школьниковъ, въ томъ, что преподавалось имъ на уро-

кахъ. Учителя составляли по воскресеньямъ планы преподаванія на будущую недѣлю; но планы эти обыкновенно не выполнялись, измѣняясь соотвѣтственно требованіямъ или, лучше сказать, симпатіямъ учениковъ. „По росписанію, напр., до обѣда значится 4 урока, говоритъ Толстой, а выходитъ иногда три или два, иногда и совсѣмъ другіе предметы. Учитель начнетъ ариѳметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и вмѣсто одного часа классъ продолжается три часа"... Все зависитъ отъ расположенія къ предмету (или и просто отъ настроенія въ данную минуту) учениковъ. Такъ, несмотря на всѣ старанія преподавателей, имъ не удалось возбудить у учениковъ интересъ къ грамматикѣ: этотъ предметъ они терпѣть не могли, на урокахъ засыпали или совсѣмъ уклонялись отъ нихъ. То же самое случилось съ всеобщей и отечественной исторіей и географіей. И это вполнѣ естественно, по мнѣнію Толстого: все это совершенно ненужно знать ребенку. Мало того: вплоть до университета исторія и географія не только не полезны, но даже вредны. Любимыми предметами въ Ясно-Полянской школѣ оказались—пѣніе, чтеніе, физическіе эксперименты, разсказы, писаніе сочиненій и особенно стиховъ на заданный размѣръ. Увлекало учениковъ также слушаніе и чтеніе Библіи и именно—Ветхаго Завѣта. Онъ „запоминался и разсказывался страстно, съ восторгомъ, и въ классѣ, и дома, и запоминался такъ, что черезъ два мѣсяца послѣ разсказа дѣти изъ головы писали священную исторію въ тетрадкахъ съ весьма незначительными пропусками.

Этотъ принципъ полной свободы, такъ широко проведенный на практикѣ въ Ясно-Полянской школѣ, по словамъ Толстого, привелъ къ самымъ благимъ результатамъ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ этотъ своеобразный опытъ коренной реформы въ области педагогической теоріи и практики.

Чтобы имѣть право произнесть окончательное сужденіе о немъ, разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ положеній Толстого внимательнѣе.

Правъ ли Толстой въ своемъ отрицаніи абсолютныхъ идеаловъ?. Было время,—очень длинный рядъ вѣковъ,—когда человѣкъ предоставленъ былъ самому себѣ и однѣми своими естественными силами долженъ былъ разбираться въ глубочайшихъ вопросахъ жизни, искать законы добра и зла, постигать истину, красоту, правду—все то, къ чему влекли его лучшія силы души. Всѣ исканія его въ области истины, добра и правды не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, идеалы его мѣнялись въ зависимости отъ многихъ условій—отъ національнаго типа, бытового уклада, общественнаго строя и проч. Ни въ философскихъ ученіяхъ, ни въ художественныхъ произведеніяхъ наилучшихъ, наиболѣе одаренныхъ представителей самой высокой античной культуры человѣчество не нашло для себя того жизненнаго нерва, который обезпечилъ бы ему устойчивость и полную состоятельность его міросозерцанія.

Такъ было въ мірѣ древнемъ, до-христіанскомъ. Но вотъ, съ явленіемъ Христа Спасителя, какъ бы таинственный покровъ спадаетъ съ лица земли. *Я свѣтъ міру*, говоритъ Онъ: *кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (Іоан. VIII, 12). Въ ученіи Христа начертаны такія нормы жизни, которыя, при краткости своей, обнимаютъ всѣ стороны человѣческаго существа, отъ внѣшнихъ чувственныхъ влеченій, до глубочайшихъ и сокровеннѣйшихъ изгибовъ человѣческаго сердца. Здѣсь найдетъ человѣкъ отвѣтъ на всѣ высшіе запросы своего духа: истина, добро, правда, красота—всѣ эти свѣточи жизни только здѣсь находятъ вѣрный и неугасающій источникъ своей силы для человѣка. Чтобы путь этой новой жизни сталъ еще болѣе ясенъ человѣку, Указавшій его самъ прошелъ по нему и тѣмъ

далъ всему міру наглядное осуществленіе своихъ словъ: *Я есмь путь, истина и жизнь* (Іоан. XIV, 6).

Начала жизни, данныя міру Христомъ Спасителемъ такъ высоки, что человѣчество можетъ только стремиться къ наибольшему осуществленію ихъ и въ этомъ стремленіи видѣть истинный путь къ своему усовершенствованію. Но никакъ не болѣе. Никогда человѣчество не переростетъ этихъ вѣчныхъ идеаловъ христіанства. Въ нихъ начертана, если можно такъ выразиться, такая широкая программа всесторонняго развитія человѣка, что самая сильная мысль въ своемъ полетѣ останавливается и не можетъ итти дальше И если бы мы взяли на себя трудъ разсмотрѣть всѣ самые высокіе идеалы, выработанные лучшими мыслителями человѣчества, то мы нашли бы лишь одно: всѣ эти идеалы не только не превышаютъ началъ христіанства, но далеко еще не исчерпываютъ всей его глубины. Въ этой высотѣ и безграничности его, какъ явленія божественнаго, и заключается причина его вѣчной животворности для человѣчества,

Какой выводъ вытекаетъ отсюда для воспитанія? Самый рѣшительный. Если Толстой отрицаетъ право воспитанія на основаніи отсутствія у человѣка абсолютныхъ идеаловъ, которые указывали бы послѣднюю цѣль воспитанію, то мы, съ своей стороны, признавая непоколебимое значеніе для всего человѣчества идеаловъ христіанства, тѣмъ самымъ находимъ и необходимую основу для воспитанія—въ этикѣ христіанской. За нимъ должно стремиться... всякое истинное воспитаніе". Да такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Иною, нехристіанскою мы теперь уже не можемъ даже представить себѣ никакую теорію воспитанія „Современная педагогика, по справедливому замѣчанію того же педагога, исключительно выросла на христіанской почвѣ, и для насъ нехристіанская педагогика есть вещь немыслимая—безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и

безъ результатовъ впереди". Это—несомнѣнно такъ, хотя далеко не всегда и не всѣми признается. Причина тому—съ одной стороны, проникновеніе идей христіанства въ общечеловѣческое сознаніе, съ другой, какъ ни странно это, отчужденіе этого сознанія отъ самого Христа, давшаго ихъ міру,—эта новая фаза христіанства безсознательнаго, христіанства безъ Христа.

Но нужно ли просвѣтлять этими началами христіанства именно дѣтскую душу?

Предъ нами открыта полная возможность—путемъ личнаго наблюденія надъ проявленіями естественной человѣческой природы въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ придти—къ категорическому убѣжденію въ томъ, что совершенство дѣтской природы есть не болѣе, какъ мечта Толстого. Каждому изъ насъ, прежде всего, бросается въ глаза полное господство надъ дѣтскою душою внѣшней чувственной стороны жизни ребенка: на первыхъ порахъ она совершенно порабощаетъ его волю. Затѣмъ, мы наблюдаемъ, какъ зерно эгоизма, сначала прикрытое оболочкою, повидимому, безобидныхъ чувственныхъ влеченій, весьма скоро даетъ сильные ростки. Первый же случай лишенія ребенка интересующаго его предмета откроетъ предъ нами цѣлую картину проявленія дурныхъ инстинктовъ дѣтской души—гнѣва, вражды, мстительности, стремленія причинить другому зло. Вспоминается намъ здѣсь характерное замѣчаніе блаженнаго Августина. „Я видѣлъ собственными глазами, говоритъ онъ, маленькаго ребенка, снѣдаемаго *завистью*: онъ не умѣлъ еще говорить, а уже блѣдный съ *злобою* и *ненавистью* глядѣлъ на своего молочнаго брата". Прибавьте сюда столь естественныя при слабости въ ребенкѣ силъ и средствъ для достиженія всѣхъ его желаній, хитрость, а затѣмъ и ложь, и мы будемъ имѣть цѣлую скалу общечеловѣческихъ страстей и пороковъ въ ихъ примитивной формѣ.

Всѣмъ намъ должны быть хорошо извѣстны тѣ страницы въ писаніяхъ ап. Павла, на которыхъ онъ изображаетъ печальную двойственность силъ человѣка, колеблемаго изъ стороны въ сторону двумя противоположными „законами". „Желаніе добра, по апостолу, есть во мнѣ", и я стремлюсь къ нему. Но другое начало—злое, вынуждаетъ меня дѣлать совершенно не то, что хочу, а то, что даже ненавижу (Римл. VII, 15—24). Откуда эта роковая двойственность въ человѣкѣ? По ученію слова Божія, она не есть фактъ изначальный, а представляетъ результатъ паденія человѣка, гибельно отразившагося на всѣхъ силахъ его. Природа человѣка утратила ту чистоту и то совершенство, съ какими вышла изъ рукъ Творца: въ нее вошелъ дотолѣ чуждый ей „законъ грѣха" и, путемъ наслѣдственности, раскинулъ свою сѣть и во всемъ человѣчествѣ.

Отсюда для педагогіи выводъ самый категорическій: развитіе дѣтскаго существа отнюдь не можетъ быть предоставлено самой его природѣ, такъ какъ природа эта далеко несовершенна.

Чтобы покончить съ отрицательнымъ тезисомъ педагогіи Толстого, намъ нужно вспомнить еще одинъ изъ его аргументовъ.—Это ложное направленіе культуры, а съ нею и всей жизни культурнаго человѣка.

Въ своихъ нападеніяхъ на современную культуру Толстой держится принципа узко-утилитарнаго; ему нужна отъ нея польза именно въ области *практической жизни народа*: плесть лапти, дѣлать квасъ, мѣсить хлѣбы, топить печи и пр.—вотъ идеальное, по его мнѣнію, приложеніе даровъ культуры. Но путь къ счастію человѣка есть путь прогресса *нравственнаго*, культуры высокихъ нравственныхъ силъ человѣческой души. А эта культура, какъ показываетъ дѣйствительность, не всегда совпадаетъ съ культурой внѣшнихъ благъ жизни; наоборотъ, чаще всего онѣ радикально расходятся,

Отсюда становится понятною вся важность средствъ къ поднятію именно *этой* культуры въ человѣчествѣ, къ расширенію путей нравственнаго прогресса. Но гдѣ же эти средства? Отвѣтъ на вопросъ можетъ быть только одинъ: въ глубокомъ усвоеніи и проведеніи въ жизнь тѣхъ истинъ, какія принесены міру Христомъ Спасителемъ, а это возможно только при прогрессѣ въ человѣчествѣ *вѣры* въ Открывшаго эти истины. Оскудѣніе этой вѣры всегда (даже при кажущемся прогрессѣ въ области христіанскаго *знанія*) приноситъ съ собой паденіе нравственности. И это такъ понятно: своими слабыми, всегда колеблющимися между двухъ „законовъ", силами, человѣкъ не можетъ подниматься къ тѣмъ высотамъ жизни, какія показаны ему Христомъ. Для этого ему нужна высшая божественная помощь Самого Христа: безъ нея онъ безсиленъ. Итакъ, насажденіе началъ этой вѣры въ молодыхъ поколѣніяхъ не составляетъ ли прямую и важную задачу и воспитанія? Не здѣсь ли, въ такомъ воспитаніи, основанномъ на началахъ вѣры и къ нимъ направляющемся, заключается наилучшій путь истиннаго прогресса человѣчества и залогъ его счастія?

Итакъ, какое бы положеніе отрицательной педагогіи Толстого ни взяли мы, анализъ его приводитъ насъ къ выводамъ, діаметрально противоположнымъ основному тезису нашего педагога: не къ отрицанію воспитанія и правъ на него, а къ признанію естественности и такой необходимости его, въ силу которой оно является не только правомъ взрослаго человѣка, но составляетъ прямой долгъ его.

Какую цѣну послѣ этого долженъ имѣть другой *положительный* тезисъ педагогіи Толстого?

Какъ мы видѣли, Толстой, считая воспитаніе насиліемъ, предлагаетъ замѣнить его „образованіемъ", въ смыслѣ вполнѣ *свободнаго* воспріятія юною душою *знаній*, изъ какихъ бы источниковъ ни получались они.

Но можно-ли сообщать знанія такъ, чтобы они оставались въ душѣ питомца только знаніями, достояніемъ его ума, областью представленій, понятій и проч., но не затрогивали его чувства, не вліяли на его волю? Всѣ процессы духовной жизни человѣка, несомнѣнно, имѣютъ одно объединяющее начало въ его душѣ, поскольку всѣ они сознаются послѣднею, какъ *ея* мысли, *ея* чувства, *ея* желанія и проч. Естественно поэтому, что всѣ они находятся между собою въ самой тѣсной связи: мысль вліяетъ и на чувство, и на волю, подчиняясь сама, въ свою очередь, вліяніямъ и чувства и воли. Поэтому сообщая тѣ или другія свѣдѣнія, знанія, преподающій ихъ долженъ быть увѣренъ, что они не останутся безъ извѣстнаго вліянія и на чувства, и на волю ученика. А это и есть то „воспитательное насиліе", котораго такъ старается избѣжать Толстой въ школѣ.

Но, оказывается, и самъ Толстой недостаточно твердъ въ своемъ отрицаніи воспитательнаго вліянія науки. Такъ, и онъ допускаетъ его, но только съ оговоркой. Воспитательный элементъ, говоритъ онъ, лежитъ „*въ преподаваніи* наукъ, *въ любви учителя* къ своей наукѣ и *въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику*". Какъ много сказано этими немногими словами! Здѣсь—собственный приговоръ Толстого всей своей теоріи полной свободы образованія, да и всей его педагогіи вообще. Здѣсь ясно допускается то самое вліяніе взрослаго человѣка на юную душу, которое Толстой считаетъ насиліемъ, и противъ котораго направляетъ всѣ свои возраженія.

Прибавимъ еще лишь нѣсколько словъ объ интересной Ясно-Полянской школѣ.

Несомнѣнно, что это былъ интересный экспериментъ, обставленный исключительно благопріятными условіями. Но не болѣе. Это—не *школа*, а идея (чтобы не сказать—„фантазія") Л. Н. Толстого, пожелавшаго и имѣвшаго полную

возможность осуществить ее на практикѣ. Ясно-Полянская школа осталась безъ подражаній. Подобныхъ школъ нигдѣ мы не видимъ; между тѣмъ, въ свое время она пользовалась большою извѣстностью, надѣлала много шуму: ее смотрѣли, о ней говорили, писали, спорили... Есть, слѣдовательно, свои законы и требованія относительно школьнаго дѣла, уже прочно установившіеся въ педагогикѣ, отступить отъ которыхъ, *при особыхъ условіяхъ*, пожалуй, можно; но возвести это отступленіе въ общее правило нельзя...

Теперь мы считаемъ возможнымъ произвесть общую оцѣнку педагогическихъ воззрѣній Толстого.

Вся педагогія его есть плодъ временнаго увлеченія талантливаго писателя—художника философствованіемъ на педагогическія темы. Вѣрнѣе видѣть во всей этой фантастической педагогіи нашего писателя его обычное, теперь уже такъ ярко обнаружившееся стремленіе къ „колебанію основъ", къ отрицанію всего, что носитъ характеръ общепризнаннаго, на чемъ искони стоитъ жизнь.

Педагогія Толстого совершенно ненаучна. Авторъ ея не знакомъ съ научною постановкою вопросовъ этики и психологіи. Мы не видимъ у него никакого даже желанія заглянуть въ эти области глубже. Въ разработкѣ поставленныхъ вопросовъ педагогія Толстого не можетъ претендовать не только на полноту и обстоятельность, но даже и на послѣдовательность, вѣрность себѣ. Въ выводахъ своихъ (основныхъ, принципіальныхъ) она не даетъ ничего положительнаго, что можно бы внесть въ педагогическую теорію и чѣмъ можно бы воспользоваться на практикѣ. Понятна послѣ этого полная безплодность, въ этомъ смыслѣ, всей философской педагогіи Толстого.

Что сталось съ педагогическими идеями Толстого? Статьи его въ свое время произвели движеніе, имѣли большой интересъ, возбуждали споры въ литературѣ; но и споры эти

и все движенiе не дали никакихъ, сколько-нибудь цѣнныхъ въ педагогическомъ отношенiи, результатовъ. Сейчасъ, повидимому, онѣ забыты и никому не нужны.

Закончимъ пожеланiемъ, чтобы въ русской педагогiи развивались и крѣпли не отрицательныя, а положительныя силы, и чтобы направлялись онѣ къ уясненiю и возможно большему практическому осуществленiю въ русскомъ воспитанiи тѣхъ высокихъ идеаловъ, которые принесены въ мiръ христiанствомъ.

Н. Маккавейскiй.

православной Церкви; нравственно-назидательные разсказы, преимущественно изъ народной жизни; стихотворенія, общеполезныя свѣдѣнія; краткія библіографіи и объявленія о болѣе важныхъ, вновь выходящихъ, книгахъ духовнаго содержанія. Въ видѣ отдѣльныхъ приложеній къ журналу даны будутъ подписчикамъ двѣ книги: *первая* подъ заглавіемъ

„Спутникъ Пастыря".

Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія, свящ. *С. Брояковскаго;*

вторая подъ заглавіемъ

„ЗА ВѢРУ И ПРОТИВЪ ЛЖЕВѢРІЯ".

Сборникъ вѣроучительныхъ, нравоучительныхъ и апологетическихъ бесѣдъ, очерковъ, разсказовъ и стихотвореній, примѣнительно къ двунадесятымъ праздникамъ,—въ огражденіе чадъ православной Церкви отъ суемудрія раскольниковъ и сектантовъ. Для семьи, школы и внѣбогослужебныхъ чтеній.—Первая книга будетъ разсылаться съ первымъ же номеромъ журнала, а вторая въ маѣ мѣсяцѣ.

Сверхъ того, по прежнему, будутъ издаваться отдѣльно отъ журнала

„КІЕВСКІЕ ЛИСТКИ"

религіозно-нравств. содержанія для народнаго чтенія, числомъ не менѣе 12-ти; между прочими продолжены будутъ и праздничные листки.

Цѣна за журналъ съ приложеніями и пересылкой на годъ *4* р., на полгода *2* р. *50* коп. За три рубля журналъ можетъ быть высылаемъ только по требованію Попечительствъ о народной трезвости не менѣе пяти экземпляровъ сразу. Разсрочка допускается такъ: при подпискѣ два руб.,—а остальные два къ 1-му мая. *Адресъ: Кіевъ, въ ред. «ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ».* Подолъ, домъ Ильинск. ц. № 4-й.

Редакторъ-Издатель Протоіерей **Іоаннъ Богородицкій**